

Л. Г. Мощенская, Л. И. Зарембо (Минск, БГУ)

МОЛИТВА ЕФРЕМА СИРИНА В ПЕРЕЛОЖЕНИИ А.С. ПУШКИНА (СТИХОТВОРЕНИЕ «ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ»)

Ефрем Сирин, автор свыше тысячи стихов, песен, проповедей и религиозно-философских трактатов, из которых самым известным является молитва, выбранная Пушкиным для переложения, родился в Сирии в конце III в. Приведем славянскую молитву Ефрема Сирина в построчном делении В.Е. Верещагина [1, с. 384]: (1) *Господи и Владыко живота моего, (2) дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. (3) Дух же смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу твоему. (4) Ей Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, (5) яко благословен еси во веки веков, аминь.*

Переложение молитвы «Отцы пустынники и жены непорочны...» было написано 22 июля 1836 г. за 6 месяцев до трагической смерти поэта. Приведем пушкинский текст: (1) *Отцы пустынники и жены непорочны, (2) Чтоб сердцем возлетать во области заочны, (3) Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв, (4) Сложили множество божественных молитв; (5) Но ни одна из них меня не умиляет, (6) Как та, которую священник повторяет (7) Во дни печальные Великого поста; (8) Всех чаще мне она приходит на уста (9) И падшего крепит неведомою силой (10) Владыко дней моих! Дух праздности унылой, (11) Любоначала, змеи сокрытой сей, (12) И празднословия не дай душе моей. (13) Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, (14) Да брат мой от меня не примет осужденья, (15) И дух смирения, терпения, любви (16) И целомудрия мне в сердце оживи.*

Исследователи уделили недостаточное внимание этому стихотворению, особенно сопоставительному структурному анализу двух текстов. В.П. Старк приводит важные культурно-исторические данные о жизненных обстоятельствах Пушкина, совпадающих по времени Великого поста 1836 г. (с 10 февраля по 28 марта), которые могли инициировать обращение поэта к молитве Ефрема Сирина.

Имя автора молитвы скрыто под описательной перефразой-антономазией «которую священник повторяет во дни печальные Великого поста». Единственная молитва, которая читается один раз в церковном году – это молитва Ефрема Сирина. Она звучит во время Великого поста ежедневно, кроме субботы и воскресенья. По-нашему мнению, переложение молитвы актуализировано не столько жизненными обстоятельствами поэта в первое полугодие 1836 г., сколько огромным духовным потенциалом молитвы, ее созвучием состоянию души поэта. Она становится действенной духовной опорой поэта, укрепляющей его *неведомою силой* в *долгих бурях и битвах*. Такое понимание места молитвы в духовной жизни поэта подтверждается первой (вводной) частью стихотворения. В небольшом

фрагменте текста одна за другой следуют две синтаксические конструкции со значением меры и степени, причем первая из них имеет значение высшей степени проявления качественного признака (*Но ни одна из них меня не умиляет, / Как та, которую священник повторяет / Во дни печальные Великого поста*), вторая конструкция *всех чаще* доводит до верхнего предела количественный признак (*Всех чаще мне она приходит на уста*). Таким образом, автор не соотносит время обращения к молитве Ефрема Сирина с Великим постом. Духовное и эмоциональное состояние поэта, которое достигается чтением молитвы, раскрывает семантика глагола *умилять*. В лексиконе Пушкина глагол является гапаксом (употреблен один раз) и, по данным Словаря языка Пушкина, имеет значение «вызывать, возбуждать умиление, трогать» [СЯП; 4: 697]. Значение глагола *умилять* в данном контексте характеризуется более сложной структурой. В этом слове отражается мерцание или наложение двух семантических зон – первоначальной церковнославянской и вторичной – французской, калькированной. Церковнославянизмы умилити ся имеют значение «сокрушиться; умилиться (умилостивить), растрогаться; печальный, грустный», *умиление* – «печаль, скорбь, смирение, раскаяние» [4, с. 735]. Внутренняя форма глагола *умилити* восходит к глаголу «умилостивить» от *молити, молиться* [5, с. 465], Таким образом, в тексте слово *умилять* сохраняет первоначальное значение «сокрушаться, печалиться, скорбеть, смиряться». Вторичное семантическое приращение связано со значением «возбуждать умиление, приводить в умиление, т. е. в нежное чувство, возбуждаемое чем-нибудь трогательным» [ТСРЯ, с. 833, 812] и сохранилось в современном русском литературном языке.

Трудно сказать, с какого времени молитва Ефрема Сирина становится неотъемлемым спутником в жизни А.С. Пушкина, скорее всего в период, в котором поэт начинает приближаться к народной праведности, с отходом от поверхностного религиозного чувства светского человека [2, 180]. Переложённая молитва отражает народное религиозное воззрение и символизирует переход Пушкина в иную духовную сферу. Митрополит Антоний (Храповицкий) подчеркивал отрицательное отношение поэта к интеллигентному ханжеству, в котором религиозность сливается с самолюбием, и ясное понимание того, насколько народное благочестие проникнуто от начала до конца смиренномудрием, возвышеннее и благочестивее, чем чувство барское и купеческое [2, с. 180]. Поворот к народному религиозному мироощущению происходит одновременно с переоценкой значимости церковнославянского и народного языка в структуре «славенороссийского», т. е. современного русского литературного языка (конец 20-х–30-е гг.).

Молитва Ефрема Сирина состоит из трех частей, относящихся к одному синтаксическому типу односоставных определенно-личных предложений с опорным глагольным компонентом в форме опатива 1) *не даждь*, 2) *даруй*,

3) *даруй*, из них первая и вторая части имеют одну и ту же синтаксическую инверсированную модель, только во второй части отсутствует приглагольное отрицание. В третьей части основная модель расширяется объектным глаголом и восстанавливается прямой порядок слов: 1) $N_4 + N_{2...} + neg + V_{opt2s}$; 2) $N_4 + N_{2...} + V_{opt2s}$; 3) $V_{opt2s} + V_{inf} + N_4 + neg + V_{inf} + N_4$. В переложении Пушкина также сохраняется трехчастность с опорными глаголами 1) *не дай*, 2) *дай*, 3) *оживи*; но в композиции текста изменяется порядок следования частей (вторая и третья части меняются своими местами). Во второй части усложняется структура предложения (вместо односоставного определенно-личного предложения используется сложносочиненное), третья часть сохраняет модель второй части оригинала: 1) $N_4 + N_{2...} + neg + V_{opt2s}$; 2) $[V_{opt2s} + V_{inf} + N_4]$, да $[N_1 + neg + V_{f3s} + N_2]$; 3) $N_4 + N_{2...} + V_{opt2s}$.

Структура смысловых блоков молитвы Ефрема Сирина и порядок их расположения могут быть представлены следующим образом: 1) этикетная форма обращения к Богу: *Господи и Владыко живота моего*; 2) просьба не давать греховных качеств (просьба об очищении души): *дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми*; 3) просьба о даровании положительных качеств для духовного восхождения субъекту молитвы: *Дух же смиренномудрия, терпения и любви даруй ми*; 4) этикетная форма смиренного самопредставления адресанта: *рабу твоему*; 5) этикетная форма обращения к Богу: *Ей Господи Царю*; 6) просьба о даровании новых положительных качеств для духовного восхождения субъекту молитвы: *даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего*; 7) причинно-следственное обоснование ожидания помощи Бога *яко благословен еси во веки веков*; 8) окончание молитвы: *аминь*, «истина, правда». Таким образом, структура молитвы Ефрема Сирина состоит из 8 смысловых блоков, из которых блоки этикетной формы (1 и 4) и просьбы о даровании (3 и 6) повторяются с лексико-грамматическим варьированием. В переложении Пушкина сокращается количество смысловых блоков: из 8 сохраняется 5 и добавляется один новый (просьба о ближнем субъекта молитвы): 1) этикетная форма обращения к Богу: *Владыко дней моих!*; 2) просьба не давать греховных качеств субъекту молитвы (просьба об очищении души): *Дух праздности унылой, / Любоначала, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей*; 3) просьба о даровании положительных качеств для духовного восхождения субъекту молитвы: *Но дай мне зреть мои ... прегрешенья*; 4) этикетная форма обращения к Богу: *о Боже*; 5) просьба о ближнем субъекта молитвы (страдательная конструкция): *Да брат мой от меня не примет осужденья*; 6) просьба о даровании (оживлении) положительных качеств для духовного возрождения субъекту молитвы: *И дух смирения, терпения, любви /И целомудрия мне в сердце оживи*. Таким образом, в пушкинском тексте редуцируются специфические смысловые блоки, придающие молитве Ефрема Сирина строгую каноничность (4, 7 и 8), но, теряя церковное установление (правило), он сохраняет, как справедливо

утверждает В.П. Старк, просительный характер, смиренность выражения молитвы, обрастает индивидуальными, личностными обертонами [3, с. 198].

Усиление личностной доминанты в пушкинском тексте доказывается и сопоставлением использования в двух текстах местоимений первого лица. В оригинале представлены местоимение *мой* в форме родительного падежа (*моего* – 2 употребления) и именительного падежа среднего рода множественного числа (*моя* – 1 употребление), личное местоимение 1 лица в дательном падеже (*ми* – 3 употребления). В переложении также фиксируется притяжательное местоимение *мой* и личное местоимение первого лица в разных падежных формах: родительного множественного (*моих* – 1), дательного единственного (*моей* – 1), винительного множественного (*мои* – 1), именительного единственного (*мой* – 1) и личного местоимения в родительном (*меня* – 1) и дательном (*мне* – 2). Таким образом, в пушкинском тексте местоимения первого лица и качественно, и количественно преобладают над аналогичными формами текста Ефрема Сирина, что и доказывает усиление личностного начала в переложении по сравнению с текстом оригинала. Но при этом оно никоим образом не теряет своего огромного духовного потенциала.

Два текста, славянский оригинал и переложение Пушкина, имеют почти одинаковое число словесных знаков: молитва Ефрема Сирина имеет 43 словоупотребления, переложение – 44. Пушкин сохраняет все ключевые славянизмы, отсутствующие в русском языке (*праздность унылая, любоначалие, празднословие, прегрешенья, осужденье, смирение, терпение, целомудрие, зреть*), с учетом общего «славенороссийского» фонда, включая изменения форм и частеречной трансформации отдельных слов (*владыко, мой, дух, дать, брат*), совпадающая основа двух текстов будет еще более внушительной.

Оба текста характеризуются мощной семантической спаянностью, которая достигается применением средств и способов разных языковых уровней – лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического, ритмико-фонетического. Наиболее развитым средством когезии являются повторы, среди которых важную структурную, композиционную и смысловую функции выполняют повторы, образующие семантическое кольцо. Так, в молитве Ефрема Сирина оно образуется повтором *господи – господи*, в стихотворении Пушкина эта амплификация представлена более сложной структурой. Каждая из частей стихотворения (введение и собственно переложение) имеет свое семантическое завершение: в первой части его образует корневой повтор *укреплять – крепит*, во второй – *дух – дух*, а обе части гармонично объединяются в единое целое двойным семантическим кольцом *сердце – сердце, укреплять – оживи*.

В обоих текстах сохраняется единообразие семантической оппозиции левый – правый. Левый член оппозиции, ложный в христианской философии, представляет просьбу со знаком «минус» (*не даждь ми – не дай* и

соответствующими существительными с отрицательной внутрисловной коннотацией), правый член структурируется просьбой со знаком «плюс» (*даруй – даруй; дай – оживи* и наполняется именами с положительной оценкой).

Таким образом, переложение Пушкина сохраняет не только смысловую, композиционную, грамматическую, образную структуру подлинника, но и огромный духовный потенциал литургического текста, который «на практике допустимо вводить в домашнюю молитву» [1, с. 384].

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005.
2. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1999.
3. Старк В.П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Исследования и материалы. Пушкин: исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999.
5. Шанский Н.В., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.